

Александровская библиотека

Рассказы

ЛЕЙТЕНАНТ

I

Днем батальон купался в Волге. Милая, ласковая русская вода обнимала за шею, целовала в глаза, шутливо, балуясь, толкала наверх, не давая нырять в свои недра. Но счастливчики, преодолевшие ее сопротивление, видели, как глубина переливалась мутным огнем, как в храме дымясь золотой мглой. Блескучие рыбки шныряли вокруг, да тоже балуясь, сонно и лениво хватали то за руки, то за ноги подводные водоросли. Поодаль от берега зеленел островок с обгоревшей ивой, будто напоказ вынесенный на самый его краешек. Вихров знал, что в иву попала молния и разметала кору и щепу по всему острову. Местная ребятня, наслушавшись бабьих сказок, плавала туда на плоскодонке и усердно копала лопатами. Искала легендарную громовую стрелу... Однако так ничего и не нашла, кроме оплавленного песка, похожей на ком серой ноздреватой грязи. Убросив ком в Волгу и чтобы как-то пережить разочарование, дотошные искатели громовой стрелы долго «пекли блины», кидая прибрежные голыши с искусным многократным перескоком по воде.

«О, Волга! Колыбель моя!» — мысленно воскликнул Вихров, нырнул, как нырял с парашютом при затяжных прыжках — вот, вот она, земля, пока дымная, размытая, как акварель, которую видишь издали, но все ближе и ближе, с золотой булавоочной головкой белокаменного храма, с кудрявым парком, прописанным с намеренно преувеличенным старанием, как на полотне примитивистов, с озерцом, похожим на разведенную синьку в чайном блюде, ближе, ближе... Вот уже блюдо стало похожим на пиалу, на ендову... Что-то блеснуло в храме... Вон и поле, и ребята — игрушечные оловянные солдатики, прыгнувшие раньше... Пора рвать кольцо! И дернуло, вздуло, понесло. Положило руки на плечи, как в вальсе. Кто прыгал, тому хорошо знаком этот вальс в паре с землей...

— Любил ли кто тебя, как я! — прокричал Вихров, уже вынырнув далеко от берега, фыркнул, отплевался, и, отмахивая саженками, поплыл к острову.

На острове тлел костерок. Рыбак в панамке, оглянувшись на Вихрова, сердито заметил:

— Ты бы еще за крючок сцапал! Дед Щукарь!..

— Клюет? — не обращая внимания на его недовольный вид, весело спросил Вихров, сел на корточки рядом с рыбаком, заглянул в ведро и удивился:

— Ого! А говорят, в Волге рыбы нет!

— Разве это рыба! — ответил рыбак. — Еще отец мой осетра ловил, а я осетра в глаза не видывал.

— Не видывал, а вон сколько наловил...

— Да разве это рыба? Плевки одни. Волжские слезки!

— Эх! — воскликнул Вихров. — Такие слезки да к нам бы в часть! Под водяру!

— А ты из части? — спросил рыбак и внимательно посмотрел на него.

— Из ВДВ. Завтра в Чечню улетаем.

— Оттого и радостно?

Рыбак вздохнул, и, продолжая смотреть на Вихрова, горько продолжил:

— Эх, ребята вы, ребята!..

— Эх, ребята! Эх, ребята! — залихватски повторил Вихров! — Раньше, знаешь,

как пели?

На нас пилоточки косые
Гимнастерки узкие.
Не боимся никого
Мы, ребята русские!

Он разбежался, махнул в воду и поплыл обратно к берегу, где молодые загорелые офицеры в тельняшках, весело и звонко хохотали, разводили костер, и, нанизывая на шампуры мясо, расставляли бутылки с водкой и пивом.

II

Гудермес встретил темнотой. Скупое и как-то торопливо, лихорадочно мигали огни лишь на посадочной полосе военного аэродрома. Молча и быстро садились в вертушки омовцы с собаками-ищейками. Прошагали красоти — девицы с винтовками, в щегольской амуниции, в кепках.

— Снайпера-а-а! — завистливо, со вздохом кто-то послал им вслед.

Батальон погрузили на бэтээры и сразу же отправили в горы. Миновали очередной блокпост и разбились на группы. Двум бэтээрам с отрядом под командованием Вихрова было приказано двигаться в сторону ущелья. Уже в рассветной мгле проехали фруктовым садом, с хрустом и сочным шелканьем ломая молодые черешни и сливы. Старые деревья вырубил наша пехтура еще в первую Чеченскую и было видно, как по краю сада опростелом скользнула чья-то тень. Не останавливаясь, на полном ходу дали по ней очередь сразу из нескольких «калашей». Что-то ойкнуло и застонало.

— Косуля, блин! — выругался Вихров.

— А если напоремся на фугас? — спросил его сержант Окаров.

Заметив, как трясутся руки сержанта, Вихров пренебрежительно ответил:

— Фаршем станешь.

— Тут саперы прошли, — сказал кто-то рядом.

— А тень? — не унимался Окаров. — Боевик, на фиг, бежит...

— Я сказал, косуля! — прикрикнул Вихров.

— Кто его знает...

— Молчать! Что ты, как баба, нах!..

Все живописнее, отчетливее выступали из мглы деревья, горы, какие-то жилища, построенные в недавнем прошлом добротно, навечно, однако, разрушенные и они, поросшие дикой пахучей травой, бурьяном. Яблони в заброшенном саду, сожженные эрэсами еще в первую Чеченскую, ломились от плодов. Оттуда благодатно тянуло винным ароматом, медом некошенных трав.

Встретился еще один блокпост.

— Да тут никого нет, — неохотно сказал офицер блокпоста, молодой, не очень опрятный лейтенантик, ровесник Вихрова. — Сколько стоим, ни разу не выстрелили. Что вас погнали по этой дороге?

— Для острастки, — ухмыльнулся Вихров.

— Тут страшить некого. Все трактористы отдыхают в Чернокозове.

Вихров достал карту, и, сверяя по ней путь следования своей группы, сказал:

— Вот здесь мы должны соединиться со своими.

— Так вам осталось немного.

Лейтенантик заглянул в карту через плечо, зевнул и спросил:

— У вас выпить не найдется?

— Выпить? — спросил Вихров. — Так ты же на посту!

— А ты, командир, видать, первый год замужем, — усмехнулся лейтенантик. — Глушь, скука. Ни басен, ни песен, ни баб... Ну ладно. Что смотришь? Поживи тут с мое, нах! Да езжай, нах! Езжай!

III

Огонь вспыхнул сразу же на повороте дороги, и грохотом оглушило со всех сторон. Первый бэтээр, в котором ехал Вихров, потерял управление, на всей скорости свернул в сторону и косо-косо пошел в ухаб.

Вихров выпрыгнул, пригнулся и открытый со всех сторон, приседая на корточки, начал палить, разом поворачивая автомат то вправо, то влево. Сквозь дым и гарь он видел, что бэтээр загорелся. Мазутный лоскут дыма валил и из другого бэтэера, и было видно, как сквозь него все яростнее, все наглее хлестало оранжевое пламя, и, взглянув туда, Вихров нелепо, безрассудно и некстати, как в бреду, вспомнил цвета гвардейской ленты...

«Мама!» — завопило в нем, и в страшных, захлебывающихся скачках сердца повторило:

— Ма-ама-а!..

Он увидел разбегающихся десантников и крикнул:

— Занять обор-ррону!..

Но в грохоте стрельбы его команду так никто и не расслышал. Вихров поднялся во весь рост, задохнулся. Чувствуя, как что-то горячее, липкое и противное наползает на глаза, проорал:

— Слава ВДВ-э-э-э!..

Его приподняло и опустило. Будто принялись качать, подбросили и не поймали, оплошали, и он со всего размаха грохнулся оземь, резко и страшно перешибленный по кострецу, и как в детстве, мальчишкой, на хоккейном корте, когда ему попали шайбой чуть выше таза, вскрикнул также с протяжным жалобным стоном:

— О-о-оой!..

IV

Первое, о чем он подумал сразу же, как только пришел в себя, было краткое, безумно-счастливое: «Я жив! Жив!.. Жив!..»

«Жив-жив! Жив-жив!» — билось где-то в горле, ветвистой дельтой, самой Волгой, растекалось по рукам и ногам.

Он лежал, глядя прямо перед собой в небо, на бледную его синеву, где величественно и гордо ходил орел.

«Жив! Жив!»

И никак не мог вспомнить, где же он читал о желании жить, хотя бы прикованным к скале, а другой провисая в пространстве, но жить, жить... И это главное, это все. Да, вспомнил! У Гюго, в рассказе приговоренного к казни... Или у Достоевского? У того и другого... Жить! Лежать вот так, под знойным небом, глядеть на орла. И больше ничего не нужно. Ничего! Кроме неба и орла.

Силуэты людей, разговаривающих гортанно и громко, возникли из чада догорающих бэтэеров. Раздались выстрелы. Он понял, что это чеченцы. Они идут и добивают раненых. Ему повезло — его или не заметили, или приняли за убитого. Повезло... И снова все в нем затрепетало с молодой силой и ликованием: «Жив!.. Жив!..»

Он приподнял голову, пошевелился и тут же потерял сознание от резкой боли, цапнувшей его по кострецу.

«Пи-ить!..» — прокричало в нем.

Вот она, бурлящая, гремящая морозной водой горная река... Он полз и полз к ней, а песок нещадно сносил его обратно. Вода ревела, клочкотала, стреляла брызгами и не давалась, бежала мимо. И он подумал: «Это не Волга. Это чужая река. И я здесь чужой».

Весь день он лежал на адской жаре, в кучах мухоты. Под вечер стал бредить, и все видел себя перед открытым люком самолета, срывался и летел вниз, и вдруг вспоминал, что оставил парашют в самолете... Сейчас, сейчас он ударится, расшибется, но чем дольше летел, тем дольше и дольше летела перед ним земля,